

Aline Gubrium, Krista Harper. *Participatory Visual and Digital Methods.* Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2013. 227 p. (Developing Qualitative Inquiry Series, vol. 10.)

Вовлечение членов изучаемых сообществ в процесс исследования было одной из тенденций, проявивших себя в рамках визуальной антропологии в последние десятилетия XX в. Партиципаторные визуальные методы, описанные в книге, доводят эту линию до крайности: для того чтобы дать возможность высказаться участникам мало представленной в публичном дискурсе группы, исследователь передает туземцам контроль за содержанием финального продукта — по крайней мере, отчасти.

Ключевые слова: визуальные методы, партиципаторное исследование.

Партиципаторность как высшая стадия коллаборативности

В переводе названия на русский нельзя избежать употребления нового слова, которое отсылает к новой реалии, не так давно укоренившейся и у нас. Так, импортированный из-за границы и проводимый в последние годы в нескольких городах России эксперимент под названием *партиципаторное бюджетирование* означает, что граждане прямо участвуют в решении проблем на уровне местного самоуправления, распределяя значительную часть бюджетных средств непосредственно, без депутатов и чиновников местной администрации. Это значит, что те, кто раньше были объектами, не принимавшими участия в процессах управления, стали участниками: власть поделилась полномочиями в области распределения денег. Или *партиципаторное проектирование*: это значит, например, что в планировке сквера, кроме архитектора, примут участие кровно заинтересованные в его устройстве жители микрорайона (см. об этом, например, [Димке, Гребенщикова 2014]). В названии книги термин *партиципаторный* используется в точно таком же значении: в рамках описываемых методов представители изучаемой группы оказываются не просто соучастниками исследования и главными его героями, а фактически

Илья Владимирович Утехин
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
ilya.utekhin@gmail.com

само исследование представляет собой способ сделать так, чтобы голос этой группы оказался услышан публикой и властями, причем не в пересказе исследователя, а в виде документальных материалов, создаваемых героями.

Книга появилась в ряду других изданий калифорнийского издательства “Left Coast Press”, в серии руководств по качественным методам, к которым относятся и довольно нетрадиционные подходы к сбору данных, включающие, например, разработку игр (J. Norris, “Playbuiding as Qualitative Research: A Participatory Art-based Approach”) и сочинение стихов (S. Faulkner, “Poetry as Method: Reporting Research through Verse”). Поэзию и игры, кажется, пока не очень охотно публикуют в антропологических журналах, но ведь параллельно исследователь создает и творения более традиционных жанров. Тогда как создание иных продуктов и исследователем, и его информантами может оказываться одновременно и источником данных, и вполне осмысленным видом деятельности в глазах изучаемого — и активно в этом изучении соучаствующего — сообщества.

Активисты, особенно левые (а Калифорния при взгляде на карту и, правда, находится на левом берегу; впрочем, название издательства одновременно отсылает и к левому берегу Сены образца 1968 г.), любят аббревиатуры, а в аббревиатурах используют слова не в общеупотребительном значении. Порой выходит жаргон, отсекающий непосвященную часть публики и нуждающийся в разъяснении. В книге с аббревиатурами некоторый перебор, но нельзя пройти мимо самой главной из них — PAR (*participatory action research*): термин отсылает к упомянутому выше единству деятельности исследователя и действий, направленных на решение актуальных для изучаемого сообщества вопросов, причем участников сообщества нельзя назвать «исследуемыми», ибо их роль в проекте значительно шире и активнее, чем в привычных этнографических подходах.

В сущности, это следующий логичный шаг по отношению к тому, чем занималась традиционная визуальная антропология, — шаг в сторону «коллаборативной» антропологии и социального активизма. Уже долгие годы визуальная антропология вела к тому, чтобы исследование стало совместным процессом, где соучастие исследуемого является необходимым условием: если мы отвергаем съемку исподтишка, то объект съемки оказывается, с его согласия, как бы на сцене. При этом, поскольку он заинтересован в том, чтобы на этой сцене его увидели наиболее «правильным», с его точки зрения, образом, он начинает направлять исследователя (см. об этом в классической книге Коллиеров: [Collier, Collier 1986]). Этнографические проекты последней трети XX в. иногда пробовали сделать этот шаг к дея-

тельному участию информанта в создании этнографических материалов: например, раздать людям камеры и дать задание снимать всё, что имеет, по их мнению, отношение к определенной исследователем теме. В то же время свойство фотографии выступать в качестве катализатора нарративов тоже давно используется в этнографии. Метод *фотоголоса* (*Photovoice*), которому посвящена четвертая глава книги, объединяет эти две идеи: он предполагает, что участники, пройдя элементарный тренинг по обращению с карманным фотоаппаратом и по этике фотосъемки, делают фотографии по определенной теме, актуальной для местного сообщества, затем отбирают несколько снимков как самые показательные, придумывают подписи к ним и используют их в групповой дискуссии. При всех несомненных достоинствах у этого метода есть и очевидные ограничения: многие вещи с трудом поддаются визуализации средствами любительской фотографии, а некоторые — скажем, незаконные виды деятельности и вовлеченные в них люди — могут не попадать в кадр по этическим соображениям (Р. 88).

Глава 5 рассказывает о «партиципаторном видео» — *видеоголосе*; этот метод варьирует от проектов, в которых видео снимают исследователь или операторы, а представители сообщества участвуют на всех стадиях в планировании, обсуждении и оформлении материалов, до проектов, где информанты сами производят свое видео от начала и до конца. Снимать видео на камеру или мобильный телефон, как мы знаем, — довольно обычная часть повседневности, а в некоторых обстоятельствах это занятие выходит за пределы и повседневности, и сугубо академических занятий: после событий «арабской весны» 2010–2011 гг. стало очевидно, что видео, снятое на смартфон, выложенное в «Ютьюб» и распространенное в соцсетях, может играть важную роль в организации сообщества и общественных движений.

В истории этнографического кино оставили свой след попытки поменять статус информанта — таков знаменитый проект Сола Уорта и Джона Адера с индейцами племени навахо, которых научили обращаться с 16-миллиметровыми кинокамерами [Worth, Adair 1972]. Но там информант еще не играет той роли в создании финального продукта, как, например, в серии проектов Сары Элдер и Леонарда Кэмерлинга, реализованных с начала 1970-х гг. на Аляске. Этот метод они называют *community collaborative filmmaking* (Р. 99–110); соавторство участников местного сообщества начинается с решения о том, какой теме фильм будет посвящен, и включает решения по сценам и эпизодам, которые должны войти в фильм. Таким образом, исследователь (он же — режиссер фильма), как бы странно это ни выглядело, не осуществляет исчерпывающего контроля за содержанием.

При этом непосредственная вовлеченность и заинтересованность местного сообщества позволяют обращаться к таким темам, которые местное сообщество считает проблемными (например, проблема алкоголизма). Это значительно бóльшая степень вовлеченности, нежели более традиционный обмен знания, которое получает исследователь, на право информантов влиять на репрезентацию сообщества перед внешним миром. Такой подход открывает новые источники данных. Среди них оказывается и сам процесс обсуждения и подготовки, который тоже можно зафиксировать на видео, хотя бы и не предназначенное для показа вне сообщества. Вообще цифровая технология позволяет не ограничиваться созданием одного большого и связного киноповествования, ориентированного вовне, а дает возможность поделиться с сообществом фрагментами, которые имеют ценность для этих людей и которым они найдут осмысленное применение (Р. 114).

Остается — общий для всех представленных в книге методов — вопрос о том, что за знание получается на выходе, о чем оно. Это не вполне традиционное антропологическое знание о культуре. Помогая группе в ее самопрезентации и лидерам группы в достижении своих целей, мы получаем данные о том, как строится их идентичность, и можем попробовать осмысленно ответить на вопрос, почему она устроена именно так. Но привычка антрополога не принимать слова информанта за чистую монету склоняет к мнению о том, что описываемые методы, пусть они и очень полезны в прикладной этнографии и дают в руки инструменты для активизма в защиту интересов маргинализованных групп, тем не менее не всегда годны для поиска ответов на более традиционные вопросы, интересующие антрополога.

Глава 6 посвящена методу так называемой «цифровой истории» (*digital storytelling*), т.е. презентации персонального нарратива, созданного из доступных средств (фото, видео, аудиозаписи), длиной от 3 до 5 минут. Примеры таких рассказов от первого лица можно увидеть на сайте Центра цифровых историй <<http://storycenter.org/>> и на их канале на «Ютьюбе» (Center Of The Story); не могу не отметить, что по крайней мере те два десятка небольших клипов, которые мне довелось посмотреть, меня впечатлили выверенной сценарной работой и расчетом на эмоциональное сопереживание зрителя. Они были озвучены музыкой и голосами авторов и собраны из фотографий с вкраплениями видео¹. Едва ли можно ожидать, что

¹ Возможно, читателю «АФ» будет любопытно познакомиться с историей, рассказанной антропологом об одном из эпизодов полевой работы (Participant / Observation — A Digital Story by Wynne Maggi <<http://www.youtube.com/watch?v=zo8xrY0XxT4>>).

обычный человек, будь он сколь угодно «компьютерно грамотным», способен самостоятельно создать нечто подобное. Но человек не один: он участвовал в специальном воркшопе, где людям помогли сформулировать и собрать свои выразительные истории, которые оказывались интересны отнюдь не только им самим. Собственно в методике проведения такой работы с информантами и заключается ноу-хау (см. подробнее в недавно появившемся четвертом издании руководства по методу «цифровой истории»: [Lambert 2013]). Исследователь участвует в тренинге как один из кураторов (*facilitator*), и происходящее на семинаре оказывается для него не менее важным источником данных, чем продукт, который получится на выходе у информанта: «по контрасту с ролью академического исследователя, принимаемой в ходе интервью, в условиях воркшопа исследователь-куратор (*researcher-as-facilitator*) способен взаимодействовать с участниками в рамках иной динамики отношений власти. Хотя в процессе создания цифровой истории исследователь может и не получить конвенциональных данных, он оказывается способен подойти к более сложному пониманию их жизни и способов, которые они выбирают, чтобы репрезентировать себя и свой опыт» (Р. 129).

Говоря об этом, один из авторов книги, Айлин Губриум, опирается на собственный опыт применения метода и отмечает, что, если в интервью она получила плоскую и стереотипную самопрезентацию информантки, то в ходе работы на семинаре исследовательница «подобно тому, как в традиционном включенном наблюдении, <...> стала свидетелем многих граней “я”, “мы” и “они”, которые, если бы не контекст, показались противоречивыми и спутанными» (Р. 131). Приводимые примеры относятся к представителям маргинализованных групп, которые посредством таких историй получают возможность высказаться, только здесь эти высказывания от лица индивида, в отличие от партиципаторного фильма как выражения голоса сообщества.

Глава 7 знакомит с методами и проектами, опирающимися на использование геоинформационных систем (*GIS mapping*, геоинформационное картирование). Нанесение информационных слоев на карту — важнейшее средство визуализации данных, но традиционно картографированием занимались властные инстанции, в угоду которым какие-то данные искажались (как искажались реальные расстояния на советских картах), а какие-то объекты исключались из числа нуждающихся в отображении на общедоступных картах. Поэтому возникают альтернативные картографические практики, отражающие приоритеты и интересы тех или иных сообществ. Уместно

здесь вспомнить недавнюю историю с конкурсом на новую схему московского метро¹. Один из наиболее любопытных проектов в официальном конкурсе участия не принимал: это «партизанская карта», которую активисты — «партизанские городские перепланировщики», как они сами себя называют, — расклеивали в вагонах, не дожидаясь результатов конкурса². Эта не очень удобная для использования схема обладает, однако, одним несомненным достоинством: она показывает реальные направления и расстояния, привязанные к карте, позволяя сделать осмысленный выбор — в каких-то случаях пешком быстрее, но дизайнерски ориентированные схемы в угоду схематизму и эстетике так искажают географию, что на схеме близкое выглядит далеким и наоборот.

Анализируя по карте локализацию и концентрацию определенных типов объектов (это могут быть рассказы о происшествиях, сведения из области сакральной топографии или информация о том, где были чьи земельные участки до того, как началось насильственное выселение), исследователь может проследить совпадения разных типов объектов в определенных местах и описать изменения тех или иных мест за какой-то период времени. Проекты могут не ограничиваться нанесением на карту данных из интервью (в виде дополнительных слоев на кальке или информационных слоев на картах Google), но могут включать наблюдения на местности.

Традиционно общественные науки документировали «исчезающие» культуры, собирая разнообразные материалы в архивы и музеи, отдавая предпочтение «аутентичным» документам и артефактам, свободным от внешних влияний, которыми в таких обществах оказываются затронуты младшие поколения. Глава 8 обращается к тому, как «партиципаторный поворот» (вот еще один поворот — после лингвистического, а также после поворотов к практике и материальности) деколонизирует музеи и архивы, сформированные отношениями власти, т.е. созданные с позиции определенного класса, расы, колониализма, гендера и т.п. (Р. 170). Любой архив состоит из объектов (которые можно увидеть) и метаданных, которые служат для придания объектам смысла и связывания их в некую историю,

¹ В конкурсе победила схема, предложенная Студией Артемия Лебедева. Работы, присланные на конкурс, можно увидеть, например, в блоге И. Варламова: <<http://zyalt.livejournal.com/716373.htm>>; уже беглый просмотр показывает, насколько и в каких отношениях могут отличаться разные представления «одной и той же» реальности. Разница в дизайне представляет пользователю разные реальности.

² См. об этом подробнее <<http://metroblog.ru/post/4275/>>. Высказывания в комментариях здесь, а также на сайте <<http://partizaning.org/?p=5586>> демонстрируют, как обсуждения сообществом подобных материалов могут оказываться источником данных.

если речь идет о музейной экспозиции. Архивы и выставки в цифровом виде позволяют демонополизировать кураторство и избежать однозначной интерпретации в рамках некоторого единого повествования. Среди примеров, приведенных в этой главе, есть небольшой раздел, посвященный проекту, в котором автору этих строк довелось принять участие¹; основанием для включения его в число партиципаторных оказалась предназначенная прежде всего для преподавателей возможность создавать собственные экспозиции («экскурсии») из материалов музея, снабжая составленную из экспонатов музея последовательность собственными комментариями. Таким образом, слой повествования и интерпретации оказывается потенциально открыт.

К концу книги мы видим, что и сбор первичных материалов разного рода, и даже их интерпретация могут быть осуществлены не только исследователем, но и его информантами, которые выступают соучастниками проекта. Последняя глава делает на этом пути еще один шаг: тут речь идет о сотрудничестве с информантами в интерпретации данных и анализе материалов. Обычно мы подразумеваем, что исследователь должен соблюдать дистанцию и не «становиться туземцем», а здесь самих туземцев, не являющихся учеными, пытаются поместить в творческую лабораторию ученого. Как и в некоторых местах остальных разделов книги, столь радикальные заявления — отчасти дань моде и партиципаторному уклону, поэтому практические шаги, которые описываются далее, нередко оказываются менее экстремистскими и сводятся в конечном счете к вариациям на знакомые темы использования визуальных материалов в интервью, использования информантов для осмысления этих материалов, использования процесса обсуждения и работы информантов с материалами в качестве источника данных и т.п. Когда эти процедуры структурированы типами вопросов, на которые мы ищем ответ, они начинают выглядеть как особый метод, а ценные практические рекомендации (скажем, создание раскадровок для анализа видеоматериалов) могут и не иметь непосредственного отношения к той идеологической рамке, в которую они вставлены.

Хотя мы и живем в обществе, где процветает веб 2.0 с характерным для него порождением контента пользователями, тем не менее сам по себе этот контент в общем случае, даже с учетом коллаборативной фильтрации нашими социально-сетевыми «пузырями», сильно уступает во многих отношениях контенту, поставляемому редакционными СМИ. Модератор, редактор,

---

¹ Виртуальный музей советского быта «Коммунальная квартира» <<http://kommunalka.colgate.edu>>.

«фасилитатор» — как бы его ни назвать — все-таки занимает ключевую позицию в получении «интересного» результата (в кавычках — потому что это прилагательное с необходимостью предполагает уточнение: кому интересен этот результат). Он отбирает авторов и помогает им стать частью партиципаторного исследования. Результат же — вроде «цифровых историй» — оказывается на грани искусства; впрочем, само по себе это не противоречит возможности использовать его и работу над ним в качестве источников данных. Я бы, однако, поостерегся поднимать знамя «партиципаторного поворота», потому что антропология как дисциплина, не сводящаяся к прикладным проектам активистского характера, кажется, не вполне готова в очередной раз переопределять свой объект и фокусироваться исключительно на конструкциях самопрезентации сообществ, занимающих недоминирующее положение.

Отдельная глава (третья) посвящена вопросам этики в партиципаторных исследованиях, ее вместе со второй главой полезно просмотреть еще раз, уже ознакомившись с остальным содержанием книги. Сильную сторону издания составляют его практическая направленность и связь с полевой работой авторов: у них есть опыт работы в партиципаторных проектах. Некоторые из описанных подходов, безусловно, имеют потенциал и за пределами прикладной антропологии и могут стать широко употребительными.

Библиография

- Димке Д., Гребенищикова Т.* Agora в отдельно взятом городе: республиканские опыты или некоторые замечания о возможности общего пространства и публичного языка // Обратная связь: книга для чтения: Сб. статей и эссе к 60-летию Михаила Рожанского / Под ред. Д. Димке, К. Титаева, С. Шмидта. СПб.; Иркутск: Норма; Центр независимых социальных исследований и образования, 2014. С. 302–311.
- Collier J., Collier M.* Visual Anthropology: Photography as a Research Method. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1986. 248 p.
- Lambert J.* Digital Storytelling: Capturing Lives, Creating Community. 4th ed. N.Y.: Routledge, 2013. 206 p.
- Worth S., Adair J.* Through Navajo Eyes: An Exploration in Film Communication and Anthropology. Bloomington: Indiana University Press, 1972. 300 p.

Илья Утехин

Review of Aline Gubrium, Krista Harper. *Participatory Visual and Digital Methods*. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2013. (Developing Qualitative Inquiry Series, vol. 10). 227 pp.

Илья Утехин

European University at St. Petersburg
3 Gagarinskaya str., St. Petersburg, Russia
ilya.utekhin@gmail.com

Involving members of studied communities in the research process was one of the trends that emerged within visual anthropology during the last decades of the 20th century. Participatory visual methods delineated in this work attempt to bring this line of thought to its extreme: in order to give voice to underrepresented groups, the researcher (at least partly) passes control over the content of her final project to natives.

Keywords: visual methods, participatory research.

References

- Collier J., Collier M., *Visual Anthropology: Photography as a Research Method*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1986. 248 pp.
- Dimke D., Grebenshchikova T., 'Agora v otdelno vzyatom gorode: respublikanskies opyty ili nekotorye zamechaniya o vozmozhnosti obshchego prostranstva i publichnogo yazyka [Agora in a City: Republican Experiments or Some Remarks on the Possibility of Common Space and Public Language], D. Dimke, K. Titaev, S. Shmidt (eds.), *Obratnaya svyaz: kniga dlya chteniya. Sb. statey i esse k 60-letiyu Mikhaila Rozhanskogo* [Feedback: A Book to Read. Collection of Articles and Essays for the 60th Anniversary of Michael Rozhansky]. St.Petersburg; Irkutsk: Norma; Tsentr nezavisimykh sotsialnykh issledovaniy i obrazovaniya, 2014. Pp. 302–311. (In Russian).
- Lambert J., *Digital Storytelling: Capturing Lives, Creating Community*. 4th ed. New York: Routledge, 2013. 206 pp.
- Worth S., Adair J., *Through Navajo Eyes: An Exploration in Film Communication and Anthropology*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1972. 300 pp.